

Джованни Франческо
СТРАПАРОЛА
ВОЛШЕБНЫЕ
СКАЗКИ
1899–1908

18+

Джованни Страпарола Волшебные сказки

<https://litres.ru/74595223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцать волшебных сказок Джованни Франческо Страпаролы из «Приятных ночей» — истории о короле-свинье, благодарных животных, чудесных дарах и превращениях. Полный перевод выбранных сказок с итальянского по изданию Джузеппе Руа 1899–1908 годов сохраняет стихотворные загадки, разгадки и выбранное обрамление вечеров в Мурано. Это отдельный составительский выбор, а не перевод всего сборника. Издание с новыми цветными иллюстрациями и примечаниями адресовано взрослому читателю.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
Орфео далла Карта приветствует любезных и любящих дам	8
Пролог	10
Ночь вторая	19
Король-свинья	21
Ночь третья	37
Пьетро-дурак	41
Ливоретто	58
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джованни Франческо Страпарола Волшебные сказки

Предисловие к русскому изданию

На острове Мурано собирается общество дам и кавалеров. За танцами и песнями следуют рассказы, а после каждого рассказа — загадка, над которой слушатели спорят, смеются и порой сердятся. Так устроены «Приятные ночи» Джованни Франческо Страпаролы, итальянского писателя XVI века. Волшебные истории живут здесь рядом с бытовыми новеллами, шутками и притчами; голос рассказчика неотделим от голосов его слушателей.

Настоящий сборник объединяет шестнадцать выбранных волшебных сказок. Это выбор из «Приятных ночей», а не перевод всей книги. В него вошли истории о короле-свинье, благодарных животных, чудесных дарах, превращениях и возвращении к жизни. Состав принят в узком смысле волшебной сказки: не всякая новелла со сверхъестественным событием включена в этот выпуск. За его пределами остались, в частности, история Тебальдо и Дораличе, религиозный рассказ о Карло и Теодозии, сатира о женившемся дья-

воле, новелла Ортодоizio и Изабеллы и сказка о животных «Бранкалеоне».

Перед вами шестнадцать старинных итальянских сказок в полном переводе, с выбранным авторским обрамлением. Издание адресовано взрослому читателю.

Каждая включённая сказка переведена целиком: сохранены её начальное изложение, обращение рассказчика, повествование, стихотворная загадка, разгадка и отклик компании. Сохранены также обращение Орфео далла Карта, общий пролог, обращение Страпаролы ко второй книге, вступления и окончания представленных ночей и заключительное расставание общества. Номера ночей и сказок оставлены прежними. Разрывы между отобранными частями обозначены заметками «От составителя»; переходов, приписанных старинному автору, здесь нет. Современные русские названия сказок служат удобству чтения.

Перевод сделан с итальянского по изданию Джузеппе Руа: «Le piacevoli notti, riprodotte sulle antiche stampe», Болонья, Romagnoli-Dall'Acqua, книга первая — 1899, книга вторая — 1908. Именно годы этой перепечатки стоят на обложке. Использован оцифрованный экземпляр библиотеки Робартс Торонтского университета, доступный в Internet Archive. Электронная транскрипция Wikisource помогала читать и находить места; выбранный текст сверен с изображениями страниц. Издание Руа учитывает старопечатные редакции и не является точной копией одной первопечатной книги. Его

исследовательские предисловия, приложения и весь аппарат вариантов в состав перевода не входят.

Стихи переданы отдельными строками, с сохранением смысловой последовательности, без обязательного воспроизведения рифмы и размера. Загадки не заменены современными аналогами: их двусмысленность и непривычные объяснения принадлежат самому произведению. Краткие примечания поясняют отдельные слова и отсылки. Там, где точного объяснения старинного названия установить не удалось, это сказано прямо, без вымышленного толкования.

Суждения рассказчиков о женщинах, чужих народах, происхождении и общественном положении отражают представления их времени. Сохранение этих суждений в переводе не означает их одобрения составителем. Новые иллюстрации предлагают художественное прочтение выбранных эпизодов; это не воспроизведение старинных рисунков и не документальная реконструкция. Цвета одежды, лица и подробности обстановки, которых нет в тексте, принадлежат оформлению.

Перевод прошёл последовательную повторную вычитку и сверку с итальянским текстом с использованием современных языковых моделей. Внешняя человеческая филологическая экспертиза не проводилась.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с ис-

пользованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Орфео далла Карта приветствует любезных и любящих дам

Размышляя, дорогие дамы, о том, сколь многочисленны и замечательны были возвышенные, словно небесные, умы, которые и в древние, и в новые времена записывали разнообразные истории, доставляющие вам при чтении немалое удовольствие, я понимаю — как можете понять и вы, — что побуждала их к этому лишь одна причина: желание утешить вас и вам угодить. И если это так, как я полагаю, вернее, как твёрдо убеждён, то вы, любезные и любящие, не посетуете, если я, ваш верный слуга, посвящу вам издание историй и загадок остроумного мессера Джованфранческо Страпаролы из Караваджо, изложенных с изяществом, равным учёности.

Пусть даже их содержание доставит вашему слуху меньше удовольствия, чем вы привыкли находить в других рассказах, не пренебрегайте ими, не откладывайте в сторону и не отвергайте вовсе, а примите с радостным лицом, как принимаете другие. Ведь если, читая, вы обратите внимание на многообразие происшествий и хитростей, о которых здесь говорится, то по крайней мере извлечёте из них немалое поучение.

Не смотрите и на простой, непритязательный слог автора: он писал не так, как ему хотелось, а так, как слышал от рас-

сказавших эти истории дам, ничего не прибавляя и не убавляя. Если же он в чём-нибудь оказался недостаточно искусен, вините не его — он сделал всё, что мог и умел, — а меня, издавшего эту книгу против его воли.

Примите же с весёлым лицом скромный дар вашего слуги. Если он узнает, что дар вам приятен, на что и надеется, то впредь постарается предложить вам нечто, что доставит ещё больше радости и удовольствия. Будьте счастливы и помните обо мне.

Из Венеции, 2 января 1550 года.

Пролог

Начинается книга историй и загадок мессера Джован-франческо Страпаролы из Караваджо, озаглавленная «Приятные ночи».

В Милане, древней столице Ломбардии, славной прекрасными женщинами, украшенной великолепными дворцами и изобилующей всем, что подобает прославленному городу, жил Оттавиано Мария Сфорца, избранный епископом Лоди. После смерти миланского герцога Франческо Сфорца власть над государством по праву наследования должна была достаться ему. Но смутные времена, жестокая вражда, кровопролитные битвы и непрестанная перемена властей заставили его покинуть город. Он тайно уехал в Лоди вместе с дочерью Лукрецией, супругой Джован Франческо Гонзага, двоюродного брата Федерико, маркиза Мантуанского, и некоторое время прожил там.

Родичи узнали об этом и стали преследовать его, причиняя ему немало бед. Несчастный видел, что родственники гонят его и питают злые намерения против него самого и дочери, незадолго перед тем овдовевшей. Он взял немногие драгоценности и деньги, которые у него оставались, и отправился с дочерью в Венецию. Там он встретил Ферье-ра Бельтрамо, человека знатного рода, доброго, ласкового и благородного нрава, который с большим радушием и почё-

том принял отца и дочь в собственном доме.

Поскольку слишком долгое пребывание под чужой кровлей чаще всего становится хозяевам в тягость, Оттавиано, по зрелом размышлении, решил уйти и найти отдельное жильё. Однажды он сел с дочерью в лодку и поплыл на Мурано. Там он заметил чудесный по красоте дворец, в ту пору пустовавший, и вошёл. Он осмотрел приятное расположение дома, просторный двор, великолепную лоджию, прелестный сад, полный радующих глаз цветов, разнообразных плодов и зелёной травы, и остался всем чрезвычайно доволен. Поднявшись по мраморной лестнице, он увидел роскошный зал, уютные покои и балкон над водой, с которого открывался вид на всю окрестность.

Дочь была очарована этим прекрасным местом и так ласково, так нежно просила отца, что он, желая ей угодить, снял дворец. Она очень обрадовалась: теперь утром и вечером выходила на балкон и смотрела на чешуйчатых рыб, которые многочисленными стайками плавали в прозрачной морской воде. Наблюдая, как они снуют туда и сюда, она находила в этом большое удовольствие.

Прежние служившие ей девушки её оставили, и она избрала десять других, столь же любезных, сколь прекрасных. Перечислять все их достоинства и изящные манеры было бы слишком долго. Первой была Лодовика: её прекрасные глаза сияли, словно ясные звёзды, и вызывали немалое восхищение у всякого, кто на неё смотрел. Второй — Виченца, до-

стойная нравом, прекрасная обликом и разумная в поступках; её нежное, прелестное лицо радовало каждого, кто его видел. Третьей была Лионора: из-за природной красоты она казалась несколько надменной, но на деле была столь же любезна и учтива, как самая любезная женщина на свете.

Четвёртой была златокудрая Альтерия, которая неизменно служила своей госпоже с преданностью и женской заботливостью. Пятой — Лауретта, прекрасная с виду, но немного строптивая; её милый, нежный взгляд пленял всякого, кто пристально на неё смотрел. Шестой — Эритрея. Хотя она была невысока ростом, ни в красоте, ни в изяществе не считала себя ниже остальных: её глаза сверкали ярче солнца, рот был маленьким, грудь — невысокой, и всё в ней заслуживало высшей похвалы.

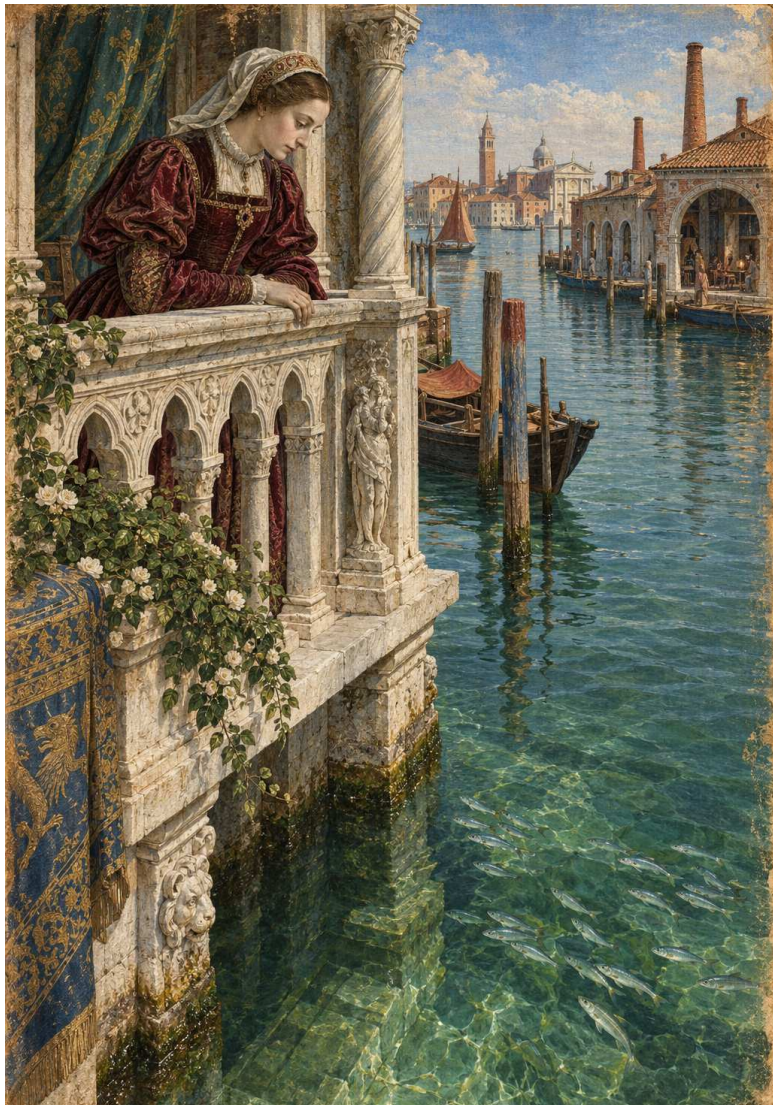
Седьмой была Катеруцца по прозвищу Брунетта. Вся — прелесть и нежность, своими ласковыми, сердечными словами она не только заманивала мужчин в любовные сети, но могла бы заставить самого великого Юпитера спуститься с небес. Восьмой — Арианна, юная годами, с лицом, внушающим почтение, величавым видом и даром красноречия. Её дивные добродетели, окружённые бесконечными похвалами, сияют, словно рассыпанные по небу звёзды. Девятой — весьма находчивая Изабелла, острые и живые речи которой изумляли всех присутствующих. Последней — Фьордиана, благоразумная и исполненная возвышенных помыслов; её прекрасные, добродетельные дела превосходят всё,

что когда-либо видели у какой-нибудь другой женщины.

Эти десять прекрасных девушек, все вместе и каждая порознь, служили своей благородной госпоже Лукреции. Вместе с ними она избрала ещё двух дам — почтенного облика, знатного рода, зрелых лет и весьма уважаемых, — чтобы они всегда были рядом, одна по правую, другая по левую руку, и помогали ей здравыми советами. Одной была синьора Кьяра, жена феррарского дворянина Джироламо Гвидиччоне; другой — синьора Вероника, прежде бывшая супругой Санто Орбата, человека старинного и знатного рода из Кремы.

В это милое, благопристойное общество стали сходиться многие благородные и учёнейшие мужи. Первое место возле синьоры занимали болонец Казаль, епископ и посол английского короля, учёный Пьетро Бембо, рыцарь великого магистра Родоса, и миланец Ванджелиста деи Читтадини, человек большого влияния. За ними следовали Бернардо Каппелло, выдающийся среди прочих стихотворец, влюбчивый Антонио Бембо, обходительный Бенедетто Тривиджано, остроумный Антонио Молино, прозванный Буркьеллой, церемонный Ферьер Бельтрамо и множество других дворян, чьи имена было бы утомительно перечислять поодиночке.

Все они или большая часть почти каждый вечер собирались в доме синьоры Лукреции и развлекали её то нежными танцами, то приятными беседами, то музыкой и пением. Так они проводили изменчивое, быстротечное время, переходя от

одной забавы к другой, к величайшему удовольствию благородной синьоры и её разумных девушек. Нередко предлагали они для обсуждения и различные вопросы; окончательное решение выносила одна синьора.

Приближались последние дни карнавала, посвящённые удовольствиям. Синьора под страхом своей немилости велела всем прийти на следующий вечер, чтобы установить порядок дальнейших встреч. Когда настала следующая ночь, все явились, как им было приказано, и расселись по своему достоинству. Тогда синьора заговорила:

— Высокочтимые господа и любезные дамы! Мы собрались здесь, как обычно, чтобы определить порядок наших милых, приятных развлечений и в немногие оставшиеся дни карнавала позволить себе какую-нибудь весёлую забаву. Пусть каждый предложит то, что ему больше нравится; решение, угодное большинству, и будет принято.

Мужчины и женщины в один голос ответили, что подобает ей самой всё установить. Видя, что эту обязанность возлагают на неё, синьора повернулась к милому собранию и сказала:

— Раз вам угодно, чтобы я к общему удовольствию определила порядок, я предложила бы каждый вечер, до окончания карнавала, танцевать; затем пусть пять девушек споют по своему выбору песенку, а после каждая из этих пяти, в порядке, который укажет жребий, расскажет какую-нибудь историю и закончит её загадкой: всем нам предстоит как мож-

но остроумнее её разгадать. Когда беседы завершатся, каждый отправится домой отдыхать. Но если моё предложение вам не по душе, пусть каждый скажет, что предпочитает: я готова последовать вашей воле.

Это предложение все горячо одобрили. Тогда синьора велела принести золотой сосуд и положила в него имена пяти девушек. Первым из сосуда вынули имя прелестной Лауретты, которая от смущения залилась румянцем, словно утренняя роза. Вторым вышло имя Альтерии, третьим — Катеруццы, четвёртым — Эритреи, пятым — Арианны.

Затем синьора велела принести музыкальные инструменты. Ей подали венок из зелёного лавра; в знак первенства она возложила его на голову Лауретты и приказала ей на следующий вечер начать приятное рассказывание. После этого она пожелала, чтобы Антонио Бембо вместе с остальными исполнил танец. Тот, готовый повиноваться приказам синьоры, взял за руку Фьордиану, к которой был несколько неравнодушен, и другие последовали его примеру.

По окончании танца молодые люди с девушками, неторопливо шагая и ведя любовные речи, перешли в комнату, где были приготовлены сласти и дорогие вина. Немного развеселившись, мужчины и женщины стали шутить. Когда и эта приятная забава закончилась, они простились с благородной синьорой и с её благосклонного согласия разошлись.

На следующий вечер все собрались вновь в этом достойнейшем обществе и, по обычаю, исполнили несколько тан-

цев. Синьора подала знак прелестной Лауретте начинать пение и рассказы. Не дожидаясь новых слов, девушка поднялась, поклонилась синьоре и присутствующим и взошла на небольшое возвышение, где стояло красивое кресло, целиком обитое шёлковой тканью. Она позвала четырёх избранных подруг, и все пятеро ангельскими голосами спели в честь синьоры такую песенку:

Скромны и милы ваши, благородная, манеры,
Приветствия прекрасны и изысканны —
Они возносят вас к божественным душам.
Ваш царственный облик, которому нет равных,
Что сладостным томлением меня объемлет,
И всё, что в вас достойно всяческих похвал,
Питая взор вашими светлыми чертами,
Так приучают к вам все помыслы мои,
Что, только захочу заговорить я о другой,
Приходится о вас одной на свете говорить.

Когда пять девушек смолкли, дав понять, что песня пришла к своему славному завершению, заиграли инструменты. Прелестная Лауретта, которой по жребии выпало в эту ночь первое место, не дожидаясь нового повеления синьоры, начала свой рассказ.

От составителя. Пролог вводит всё собрание. Пять рассказов первой ночи в этот выбор не включены. Первая выбранная сказка находится во второй ночи; историческая ну-

мерация сохранена.

Ночь вторая

Из книги историй и загадок мессера Джованфранческо Страпаролы из Караваджо.

Уже Феб погрузил золотые колёса в солёные волны Индийского моря, и лучи его более не озаряли землю; его рогатая сестра повсюду властвовала над тьмой, разливая ясный свет, а прелестные сверкающие звёзды украсили небосвод своим сиянием, когда почтенное и достойное общество собралось в привычном месте для рассказов.

Все расселись по своему достоинству. Синьора Лукреция повелела и в этот вечер соблюдать порядок, установленный накануне. Поскольку оставалось выслушать ещё пятерых девушек, она приказала Тривиджано написать их имена, положить в золотой сосуд и вынимать по одному, как делали в первый вечер. Тривиджано охотно исполнил повеление своей синьоры. Первой по жребию оказалась Изабелла, второй — Фьордиана, третьей — Лионора, четвёртой — Лодовика, пятой — Виченца.

Затем под звуки флейт начали водить хоровод; впереди шли Молино и Лионора. Мужчины и женщины так смеялись над ними, что смеются и поныне. Когда круговой танец окончился, все сели, а девушки весело спели в честь синьоры нежную любовную песню:

Я говорю и буду говорить всегда,
И нет того, кто отвратил бы от такой уверенности:
Вы — образец любой из добродетелей.
Почтительными, благопристойными, разумными
движеньями,
Рождёнными сияньем красоты,
Украшено всё то, что мир прекрасным называет.
И кто не хочет следовать
Поступкам благородным, что приводят в трепет мой дух,
Тот славы недостоин,
Ни благ иной, грядущей жизни,
К достоинству которой ваша доброта нас призывает.

Когда любовная песня закончилась, Изабелла, которой по жребию досталось первое место во вторую ночь, весело начала свой рассказ.

Король-свинья

Ночь вторая. Сказка первая

У Галеотто, короля Англии, рождается сын в облике свиньи; он трижды женится и, сбросив свиную шкуру и обратившись в прекрасного юношу, получает имя Король-свинья.

Как многим, прелестные дамы, обязан человек своему Создателю за то, что явился на свет человеком, а не бессловесным животным! Нет такого искусного и красноречивого языка, который и за тысячу лет сумел бы выразить это сполна. Вот и вспомнилась мне история, случившаяся в наши времена с тем, кто родился свиньёй, а после стал прекрасным юношей, которого все называли Королём-свиньёй.

Итак, дорогие мои дамы, знайте: был в Англии король Галеотто, столь же богатый дарами души, сколь и дарами фортуны. Супругой его была дочь венгерского короля Маттиаса по имени Эрсилия; красотой, добродетелью и обходительностью она превосходила всех женщин своего времени. Галеотто так мудро правил королевством, что ни у кого не было справедливой причины на него жаловаться. Однако супруги прожили вместе долго, а Эрсилия, по воле судьбы, всё не могла зачать. Обоих это очень печалило.

Однажды Эрсилия гуляла по саду и собирала цветы. Немного утомившись, она заметила место, поросшее зелёной травой, подошла и присела. Сон клонил её, птицы сладко пели на зелёных ветвях, и она уснула.

В это время, по счастливой случайности, по воздуху пролетали три величавые феи. Увидев спящую молодую женщину, они остановились и, залюбовавшись её красотой и прелестью, решили наделить её волшебными дарами и сделать неуязвимой. Все три были в этом согласны.

Первая сказала:

— Хочу, чтобы она стала неуязвимой; чтобы в первую же ночь, когда ляжет со своим мужем, она зачала и родила сына, которому не будет равного на свете по красоте.

Вторая сказала:

— А я хочу, чтобы никто не мог ей повредить и чтобы сын, которого она родит, был наделён всеми добродетелями и достоинствами, какие только можно вообразить.

Третья сказала:

— А я хочу, чтобы она была самой мудрой и самой богатой женщиной на свете! Но пусть сын, которого она зачнёт, родится весь покрытый свиной шкурой, и все его повадки будут свинными. И пусть он не сможет выйти из этого состояния, пока не возьмёт себе трёх жён.

Когда три феи удалились, Эрсилия проснулась, тотчас встала, взяла собранные цветы и вернулась во дворец. Не прошло и нескольких дней, как она зачала; а когда настал желанный срок, родила сына, члены которого были не человеческими, а свинными. Узнав об этом, король и королева испытали неизмеримую скорбь. Король не раз помышлял приказать убить младенца и бросить его в море, чтобы такое

рождение не навлекло бесчестия на королеву, добрую и благочестивую женщину. Но, поразмыслив, он рассудил: каким бы ни был сын, он рождён от него и приходится ему родной кровью. Король отказался от жестокого замысла; скорбь его смешалась с жалостью, и он повелел кормить и воспитывать сына как разумное существо, а не как зверя.

За младенцем заботливо ухаживали. Он часто подходил к матери и, встав на задние ножки, клал ей на колени рыльце и передние ножки. Добрая мать ласкала его, гладила щетинистую спину, обнимала и целовала, словно человеческое дитя. Малыш сворачивал хвост колечком и всеми знаками показывал, как приятны ему материнские ласки.

Подросши, поросёнок начал говорить по-человечески и бродить по городу. Как все свиньи, он забирался туда, где были грязь и нечистоты. Потом, грязный и вонючий, возвращался домой, подходил к отцу и матери, тёрся об их платья и пачкал их навозом. Но он был их единственным сыном, и они всё терпеливо сносили.

Однажды поросёнок пришёл домой, взобрался, как был грязен, на платье матери и, похрюкивая, сказал:

— Матушка, я хотел бы жениться.

Услышав это, мать ответила:

— Ах ты глупец! Кто же, по-твоему, пойдёт за тебя? Ты грязен и вонюч; неужели ты хочешь, чтобы какой-нибудь барон или рыцарь отдал тебе свою дочь?

Но он ответил хрюканьем, что непременно желает же-

ниться. Королева, не зная, как быть, сказала королю:

— Что нам делать? Вы видите, в каком мы положении. Наш сын хочет жену, а ведь ни одна женщина не пожелает взять его в мужа.

Поросёнок снова явился к матери и громко хрюкал:

— Я хочу жену и не успокоюсь, пока мне не дадут ту девушку, которую я сегодня видел: она мне очень нравится!

То была дочь бедной женщины, у которой было три дочери, и все три — красавицы. Узнав об этом, королева немедленно велела позвать бедняжку вместе со старшей дочерью и сказала ей:

— Милая моя, вы бедны и обременены дочерьми. Если согласитесь, то скоро разбогатеете. У меня есть сын-свинья, и я хотела бы женить его на вашей старшей дочери. Смотрите не на то, что он свинья, а на короля и на меня: ведь в конце концов всё наше королевство будет принадлежать ей.

Девушка, услышав эти слова, сильно смутилась, покраснела, словно утренняя роза, и объявила, что ни за что не согласится. Однако бедная мать так ласково её уговаривала, что дочь уступила.

Принц-свинья вернулся домой весь в грязи и подбежал к матери. Она сказала:

— Сын мой, мы нашли тебе жену, и она придёт к тебе по сердцу.

Королева велела привести невесту, облачённую в великолепные царственные одежды, и представила её сыну. Увидев

такую красавицу, он весь возликовал и принялся крутиться вокруг неё, как был грязен и вонюч, лаская её рылом и копытцами так усердно, как ещё ни одна свинья никого не ласкала. Девушка отталкивала его, потому что он пачкал ей всё платье.

— Зачем ты меня отталкиваешь? — спрашивал он. — Разве не я дал тебе это платье?

Она надменно отвечала:

— Ни ты, ни всё твоё свиное королевство ничего мне не давали!

Когда пришло время ложиться, девушка сказала:

— На что мне эта вонючая скотина? Сегодня ночью, едва он уснёт, я его убью.

Принц-свинья находился неподалёку, услышал эти слова, но ничего не ответил. В положенный час, весь вымазанный навозом и падалью, он подошёл к роскошной постели, рылом и копытами приподнял тончайшие простыни и, перепачкав всё зловонными испражнениями, улёгся рядом с женой. Она скоро уснула. Принц-свинья притворился спящим, а потом так сильно ударил её острыми клыками в грудь, что она тут же умерла. Рано утром он поднялся и по своему обыкновению отправился искать корм и валяться в грязи.

Королева решила навестить невестку. Придя к ней и увидев, что сын её убил, она страшно опечалилась. Когда принц-свинья вернулся домой, мать сурово его отчитала, но он ответил, что сделал с женой то, что она собиралась сделать с

ним, и в гневе ушёл.

Через несколько дней он вновь стал докучать матери: теперь он желал жениться на другой сестре. Королева решительно возражала, но он упорствовал и требовал её во что бы то ни стало, грозя всё разорить, если не получит желаемого. Королева передала эти слова королю, а тот ответил, что лучше было бы умертвить сына, чем допустить, чтобы он натворил в городе большого зла. Но королева была ему матерью и горячо его любила: пусть он и свинья, она не могла вынести мысли о том, чтобы лишиться его.

Она позвала бедную женщину с другой дочерью и долго беседовала с ними. После продолжительных разговоров о браке вторая сестра согласилась стать женой свиньи. Однако всё обернулось не так, как она желала: принц-свинья убил её, как и первую, и поспешно ушёл из дому. В положенный час он вернулся во дворец, облепленный таким количеством грязи и навоза, что из-за вони к нему нельзя было приблизиться. Король и королева жестоко бранили его за совершённое злодеяние. Он же дерзко ответил им, что сделал с женой то, что она сама намеревалась сделать с ним.

Вскоре мессер свинья опять стал просить королеву женить его — на сей раз на третьей сестре, которая была гораздо красивее первых двух. Получив решительный отказ, он принялся требовать ещё настойчивее и с ужасными, грубыми словами грозил королеве смертью, если девушка не станет его женой. Эти мерзкие и позорные речи так терзали

королеву, что она едва не лишилась рассудка. Отложив все прочие заботы, она велела привести бедную женщину и её третью дочь, которую звали Мельдина, и сказала:

— Мельдина, дочь моя, я хочу, чтобы ты взяла мессера свинью в мужья. Смотри не на него, а на его отца и на меня. Если сумеешь ладить с ним, то будешь счастливее и довольнее всех женщин на свете.

Мельдина со светлым, спокойным лицом ответила, что очень рада, и горячо поблагодарила королеву за то, что та удостоила её чести стать своей невесткой. Даже если больше ей ничего не достанется, одного этого будет довольно: в одно мгновение из бедняжки превратиться в невестку могущественного короля! Услышав такой благодарный и ласковый ответ, королева не смогла удержать слёз умиления. Всё же она боялась, как бы с Мельдиной не случилось то же, что с двумя её сёстрами.

Новая невеста надела богатое платье и драгоценные украшения и стала ждать возвращения дорогого супруга. Когда мессер свинья явился, грязнее прежнего, жена приветливо его встретила, расстелила на полу своё драгоценное платье и попросила его лечь рядом. Королева говорила ей, чтобы она оттолкнула его, но Мельдина отказалась и ответила королеве так:

Три наставленья слышать довелось мне,
Благочестивая, священная корона:

Во-первых, добиваться невозможного —
Великое, поистине, безумье;

Второе — не доверять ничему,
В чём нет ни разума, ни правого пути;
И третье — дар бесценный, редкостный,
Уже тебе вручённый, береги.

Мессер свинья не спал и всё прекрасно понимал. Он под-
нялся и стал лизать ей лицо, шею, грудь и плечи. Она в ответ
ласкала и целовала его, так что он весь пылал любовью.

Когда пришло время спать, жена легла в постель, ожидая дорогого супруга. Вскоре он пришёл, весь грязный и вонючий. Она приподняла одеяло, уложила его рядом, устроила его голову на подушке, хорошенько укрыла и задёрнула полог, чтобы ему не было холодно. С наступлением дня мессер свинья отправился на кормёжку, оставив тюфяк весь в испражнениях.

Утром королева пришла в спальню невестки. Она ожидала увидеть то же, что видела прежде с двумя другими жёнами, но нашла Мельдину весёлой и довольной, хотя постель была перепачкана грязью и падалью. Королева возблагодарила Всевышнего за этот дар: её сын нашёл себе жену по сердцу.

Прошло немного времени, и однажды, мирно беседуя с женой, мессер свинья сказал:

— Мельдина, дорогая моя супруга, если бы я был уверен, что ты никому не откроешь моей великой тайны, я сообщил бы тебе нечто, что скрывал до сих пор, и это принесло бы тебе немалую радость. Но я знаю, что ты разумна и мудра, вижу, как искренне ты меня любишь, и хочу посвятить тебя в эту тайну.

— Смело открывайте мне любые ваши тайны, — ответила Мельдина. — Обещаю никому не говорить о них без вашей воли.

Успокоенный обещанием жены, мессер свинья сбросил грязную, вонючую шкуру и оказался прекрасным, стройным

юношей. Всю ночь он провёл в тесных объятиях своей Мельдины. Он наказал ей обо всём молчать, потому что вскоре должен был избавиться от своего несчастья, затем поднялся с постели, надел свиную оболочку и, как прежде, отправился валяться в нечистотах.

Пусть каждый сам представит, как велика была радость Мельдины, когда она увидела, что ей достался столь красивый и изящный супруг. Вскоре молодая женщина зачала и в положенный срок родила прекрасного сына. Король и королева были безмерно рады, особенно тому, что младенец имел человеческий, а не звериный облик.

Мельдине стало тяжело хранить такую великую и чудесную тайну. Она пришла к свекрови и сказала:

— Мудрейшая королева, я думала, что соединена с животным, но вы дали мне в мужа самого красивого, самого добродетельного и самого благовоспитанного юношу, какого когда-либо создавала природа. Приходя в спальню, чтобы лечь рядом со мной, он сбрасывает свою зловонную оболочку и оставляет её на полу, а сам становится стройным и прелестным юношей. Никто не поверил бы этому, не увидев собственными глазами.

Королева решила, что невестка шутит, но та говорила совершенно серьёзно. Свекровь спросила, как ей самой это увидеть.

— Приходите сегодня ночью ко мне, когда все только уснут, — ответила Мельдина. — Дверь будет открыта, и вы

убедитесь в правде моих слов.

Наступила ночь. Дождавшись, когда все отправятся на покой, королева приказала зажечь факелы и вместе с королём пошла в спальню сына.

Войдя, они увидели свиную шкуру, брошенную на пол у стены. Мать подошла к постели и увидела: её сын — прекраснейший юноша, а жена его Мельдина крепко держит его в объятиях. Король и королева очень обрадовались. Король приказал разорвать шкуру на мелкие клочки прежде, чем кто-нибудь выйдет из комнаты. Радость родителей при виде преобразившегося сына была так велика, что они чуть не умерли от счастья.

Король Галеотто, видя, какой у него сын и что у сына уже есть дети, сложил корону и царственную мантию. Вместо него с великим торжеством короновали сына, которого стали называть Королём-свиньёй. Он правил ко всеобщему довольству народа и долго, счастливо жил с любимой супругой Мельдиной.

Изабелла уже закончила свой рассказ, а мужчины и женщины всё ещё от души смеялись над мессером свиньёй, который, весь перепачканный, ласкал любимую жену и ложился с ней в постель, как был облеплен грязью.

— Теперь оставим смех, — сказала синьора Лукреция, — чтобы Изабелла продолжила по нашему обычаю и предложила свою загадку.

Та с весёлым видом произнесла:

Я от тебя хотела бы, мой господин,
Того, чего ты не имеешь и вовек иметь не будешь,
Хоть проживи ты в этом мире с честью
Тысячелетье и ещё немало лет.
А если мнишь, что обладаешь этим,
Ты заблуждаешься и бродишь, как слепой.
Но если мне добра желаешь, как твердишь,
Дай это мне скорее: ведь ты можешь.

Услышав хитроумную загадку Изабеллы, все изумились: как можно дать то, чего не имеешь и никогда не будешь иметь? Разумная Изабелла заметила их недоумение и сказала:

— Не удивляйтесь, господа: мужчина может дать женщине то, чего сам не имеет и иметь не будет. У мужчины нет мужа и никогда не будет, но дать женщине мужа он вполне может.

Разгадка всем очень понравилась. Когда попросили соблюдать тишину, поднялась Фьордиана, сидевшая рядом с Изабеллой, и с радостным, оживлённым лицом сказала:

— Синьора моя и вы, почтеннейшие господа! Мне кажется, было бы хорошо, если и все вы согласны, чтобы наш Молино развеселил это милое собрание какой-нибудь своей забавной историей. Я говорю так вовсе не для того, чтобы уклониться от труда: у меня самой немало рассказов наготове. Но в его исполнении, с присущей ему любезностью, ис-

тория доставит вам больше удовольствия. Вы знаете, как он остроумен и находчив и сколькими достоинствами обладает, подобающими человеку тонкого воспитания. А нам, простым женщинам, пристало скорее держать в руках иглу, чем рассказывать истории.

Всем понравились слова благоразумной Фьордианы, и её горячо хвалили. Синьора взглянула на Молино и сказала:

— Синьор Антонио, теперь вы порадуете нас всех занимательным рассказом.

Она велела ему начинать. Молино вовсе не собирался рассказывать, но сперва поблагодарил Фьордиану за похвалы, а затем, повинувшись синьоре, приступил к своей истории.

От составителя. Рассказы II.2–II.5 не включены. Далее переведено окончание рамочного повествования второй ночи.

Конец второй ночи

Поскольку было уже очень поздно и на небе начинала проступать багряная заря, госпожа отпустила собравшихся, никак более не оправдывая сделанного ею замечания¹. Под страхом своей немилости она велела всем следующим вечером явиться на собрание пораньше.

Ночь третья

Сестра солнца, властная в небесах, в лесах и в тёмных безднах, уже стояла с убывающим диском посреди неба; западный горизонт скрыл колесницу Феба, и со всех сторон виделось сияние блуждающих звёзд. Прелестные птицы, оставив сладчайшее пение и распри между собою, тихо отдыхали в милых гнёздах на зелёных ветвях. В эту пору дамы и молодые люди на третий вечер собрались в привычном месте, чтобы рассказывать истории.

Когда все расселись согласно установленному порядку, синьора Лукреция велела, как прежде, принести сосуд и положила в него имена пяти девушек, которым в этот вечер предстояло рассказывать по очереди, определённой жребием. Первой из сосуда вышла Катеруцца, второй — Арианна, третьей — Лауретта, четвёртой — Альтерия, пятой — Эритрея.

Затем синьора приказала Тривиджано взять лютню, Молино — виолу, а всем остальным стать в хоровод, который повёл Бембо. Когда танец закончился, сладостная лира умолкла и затихли священные струны полой лютни, синьора велела Лауретте спеть песенку. Желая повиноваться и угодить своей госпоже, девушка взяла за руки подруг. Соединившись и отвесив подобающий поклон, они ясными, звучными голосами спели следующую песню:

Мой господин, когда гляжу в прекрасный лик,
В котором надо мною правит любовь,
Из ваших дивных глаз исходит свет такой,
Что ясно вижу перед собою рай.
Так сходятся в согласии с желанием моим
И слёзы, и напрасные мои вздохи,
И безмерное, скрытое моё мученье,
Что я стремлюсь к последнему пределу,
Где часто о себе самом я забываю;
Душа моя взлетает так высоко,

Что вижу: в вас судьбою сбережены
И жизнь моя, и смерть моя.

Лауретта и её подруги смолкли, показав тем самым, что песня окончена. Синьора взглянула на светлое лицо Катеруццы и сказала ей начать рассказы нынешней ночи. Та немного покраснела, затем слегка улыбнулась и заговорила так.

Пьетро-дурак

Ночь третья, сказка первая

Пьетро-дурак благодаря волшебной силе рыбы, называемой тунцом, которую он поймал и спас от смерти, становится мудрым и женится на Лучане, дочери короля Лучано, которая прежде забеременела от его колдовства.

В древних и новых историях я встречаю, любезные дамы, немало случаев, когда поступки безумца, совершаемые им в безумии, — будь они естественными или случайными — оборачиваются ему во благо. Поэтому мне и пришлось на ум рассказать вам сказку об одном дураке, который благодаря поступку, совершённом в пору его безумия, стал мудрым и получил в жёны королевскую дочь, как вы и услышите из моего рассказа.

На острове Капрая в Лигурийском море, которым правил король Лучано, жила некогда бедная вдова по имени Изотта. Был у неё сын, рыбак по ремеслу, но, к несчастью, слабоумный; все, кто его знал, называли его Пьетро-дураком. Каждый день он ходил на рыбную ловлю, однако удача так мало ему благоприятствовала, что он ничего не ловил. Возвращаясь домой, ещё за полмили с лишним от своего жилища он принимался кричать так громко, что его без труда слышал весь остров. А кричал он вот что:

— Матушка, тазы и тазики, вёдра и вёдерки, кадки и ка-

душки: Пьетро рыбой нагружен!

Бедная мать верила сыну и, принимая его слова за правду, всё готовила. Но, подойдя к матери, дурак начинал над ней потешаться и дразнить её, высовывая язык более чем на целый соммерсо².

Дом вдовы стоял напротив дворца короля Лучано. У короля была десятилетняя дочь, очень милая и красивая. Поскольку она была его единственным ребёнком, он дал ей своё имя и называл её Лучаной. Едва слышав, как Пьетро-дурак кричит: «Матушка, тазы и тазики, вёдра и ведерки, кадки и кадушки: Пьетро много рыбы наловил!» — она бежала к окну и так веселилась и забавлялась, что порой чуть не умирала со смеху. Видя, как она хохочет без удержу, дурак очень сердился и осыпал её непристойной бранью. Но чем грубее он её бранил, тем больше она смеялась и потешалась над ним, как делают избалованные дети.

Пьетро день за днём продолжал ходить на рыбную ловлю и по глупости повторял матери всё те же слова. И вот однажды бедняк поймал большую, толстую рыбу, которую у нас называют тунцом. Он так обрадовался, что запрыгал по берегу, выкрикивая:

— Поужинаем мы с матушкой, поужинаем мы с матушкой!

И повторял это снова и снова.

Увидев, что он пойман и никак не может спастись, тунец сказал Пьетро-дураку:

— Ах, братец мой, прошу тебя, будь милосерден: выпусти меня из плена и подари мне жизнь! Милый братец, что ты хочешь со мною сделать? Съешь меня — и какую ещё пользу сможешь от меня получить? А если спасёшь от смерти, я, быть может, когда-нибудь сумею тебе пригодиться.

Но доброму Пьетро куда нужнее была еда, чем разговоры, и он непременно хотел взвалить рыбу на плечо и унести домой, чтобы весело полакомиться ею вместе с матерью, которая тоже очень в этом нуждалась. Тунец, однако, не переставал горячо его упрашивать, обещая дать столько рыбы, сколько Пьетро пожелает. Вдобавок он обещал исполнить любую его просьбу.

Хотя Пьетро и был дураком, сердце у него было не алмазное: сжалившись, он согласился спасти рыбу от смерти. Толкая её руками и ногами, он наконец толкнул её в море. Тунец, получив столь великое благодеяние и не желая оказаться неблагодарным, сказал Пьетро:

— Сядь в свою лодочку и, упираясь веслом и наваливаясь всем телом, наклони её на один бок так, чтобы внутрь могла войти вода.

Пьетро сел в лодку и накренил её одним бортом к морю. В неё набилось столько рыбы, что она едва не затонула. Увидев это, Пьетро, нисколько не думавший об опасности, очень обрадовался. Он взял столько рыбы, сколько мог унести на плечах, и направился домой. Подойдя уже довольно близко к своему жилищу, он, по обыкновению, принялся громко кри-

чать:

— Тазы и тазики, вёдра и вёдерки, кадки и кадушки: Пьетро много рыбы наловил!

Мать решила, что он опять её дразнит и обманывает, и не хотела даже шевелиться. Но дурак кричал всё громче. Боясь, как бы он не выкинул ещё какую-нибудь, худшую, глупость, если не найдёт приготовленной посуды, мать всё расставила. Когда Пьетро пришёл домой и она увидела столько прекрасной рыбы, то очень обрадовалась и возблагодарила Бога за то, что сыну хоть однажды посчастливилось.

Услышав громкие крики Пьетро, королевская дочь подбежала к окну и стала его дразнить и высмеивать, громко хохоча над его словами. Не зная, что ещё предпринять, бедняк в гневе и ярости побежал на морской берег и во весь голос позвал тунца на помощь. Тунец услышал голос, узнал, кто его зовёт, подплыл к берегу и, высунув голову из солёных волн, спросил, что ему прикажут.

— Пока я хочу только одного, — ответил дурак, — пусть Лучана, дочь короля Лучано, забеременеет.

Не успел он и глазом моргнуть, как всё, что он приказал, исполнилось.

Прошло немного дней и месяцев, и девственный живот девочки, которой ещё не исполнилось двенадцати лет, стал расти: появились самые явные признаки беременности. Заметив это, мать девочки глубоко опечалилась. Она не могла поверить, что одиннадцатилетняя девочка, у которой ещё не

было признаков женской зрелости, могла забеременеть. Решив, что та скорее, как это бывает, заболела какой-нибудь неизлечимой болезнью, королева велела опытным женщинам осмотреть её. Те тщательно и втайне её обследовали и без всякого сомнения признали беременной.

Не в силах вынести столь позорного происшествия, королева решила рассказать обо всём своему мужу, королю Лучано. Услышав это, король чуть не умер от горя. Он провёл расследование со всей подобающей осторожностью и втайне, стараясь выяснить, кто обесчестил девочку. Но ничего узнать не смог и, чтобы не жить с таким постыдным бесчестьем, хотел тайно убить её. Мать, нежно любившая дочь, стала просить короля сохранить ей жизнь до родов, а потом уж поступить, как ему будет угодно. Король, который всё-таки был её отцом, пожалел девочку, свою единственную дочь, и уступил желанию матери.

Когда пришло время, девочка родила прекраснейшего младенца. Он был так хорош собой, что король не мог допустить его убийства и велел королеве до года поить его молоком и хорошо кормить. Мальчику исполнился год; он рос таким красавцем, что не было другого, кто мог бы с ним сравниться. Тогда король решил попытаться разыскать его отца.

По всему городу было объявлено: всякий, кому минуло четырнадцать лет, должен под страхом отсечения головы явиться к его величеству, неся в руках плод, цветок или что-нибудь ещё, способное привлечь внимание ребёнка. По при-

казу короля все пришли во дворец: один с плодом, другой с цветком, каждый с чем-нибудь в руках. Они проходили перед королём, а затем рассаживались согласно своему положению.

Случилось, что один юноша, направлявшийся во дворец вместе с прочими, встретил Пьетро-дурака и сказал ему:

— Куда идёшь, Пьетро? Почему не отправляешься во дворец, как все остальные, чтобы исполнить королевское повеление?

— Что мне делать среди такого множества людей? — ответил Пьетро. — Разве ты не видишь, что я беден и гол, что у меня нет даже одежды прикрыться? А ты хочешь, чтобы я затесался меж стольких господ и придворных? Нет уж, не пойду.

— Пойдём со мной, я дам тебе одежду, — шутливо сказал юноша. — И кто знает, может, ребёнок-то твой?

Пьетро пошёл к юноше домой и получил одежду. Взяв её и переодевшись, он вместе с юношей отправился во дворец. Поднявшись по лестнице, он спрятался за дверью, так что его почти никто не мог увидеть.

Когда все предстали перед королём и расселись, король велел принести младенца в зал, полагая, что, если отец здесь, в нём разыграется отцовское чувство. Кормилица взяла ребёнка на руки и внесла в зал. Все ласкали его, предлагая кто плод, кто цветок, кто одно, кто другое, но младенец отталкивал всё ручонкой.

Кормилица ходила с ним по залу и как-то приблизилась к двери. Вдруг ребёнок, смеясь, так сильно потянулся туда головой и всем телом, что чуть не выпал у неё из рук. Ничего не заметив, она продолжала ходить. Когда она снова подошла к двери, ребёнок пришёл в неописуемый восторг: всё смеялся и указывал пальчиком на дверь. Король, уже заметивший его движения, подозвал кормилицу и спросил, кто стоит за дверью. Та, ни о чём не подозревая, ответила, что там какой-то нищий.

Король велел позвать его и привести к себе и узнал в нём Пьетро-дурака. Младенец, оказавшись рядом с Пьетро, раскрыл ручонки, кинулся ему на шею и крепко обнял. Видя это, король испытал новую муку поверх прежней. Он отпустил всё собрание и твёрдо решил предать смерти и Пьетро, и дочь, и ребёнка.

Но королева, женщина очень благоразумная, рассудила, что, если их обезглавят и сожгут на глазах у короля, это принесёт ему немалый позор и бесчестье. Поэтому она уредила его заказать бочку, самую большую, какую только можно сделать, запереть внутри всех троих и бросить бочку в море: пусть, не испытывая столь тяжких мучений, плывут на волю судьбы.

Совет очень понравился королю. Он велел изготовить бочку, посадить туда всех троих, положив им корзину хлеба, флягу хорошей верначчи и бочонок инжира для ребёнка, и бросить в открытое море. Он рассчитывал, что бочка разобьётся о какой-нибудь утёс и они утонут. Но всё вышло иначе, чем предполагали король с королевой.

Старушка мать Пьетро, узнав о необычайном несчастье сына, не выдержала горя и бремени лет и через несколько дней умерла.

Несчастливая Лучана сидела в бочке, которую жестоко швыряли бурные волны, не видя ни солнца, ни луны, и горько оплакивала свою беду. У неё не было молока, чтобы успокоить ребёнка, который часто плакал; иногда она давала ему

инжиру и так усыпляла его. Пьетро же ни о чём не заботился и занимался лишь хлебом и верначчей. Видя это, Лучана сказала:

— Ах, Пьетро! Ты видишь, как я из-за тебя терплю безвинное наказание, а сам, бесчувственный, смеёшься, ешь и пьёшь и вовсе не думаешь о грозящей всем нам опасности!

— Всё случилось не по моей вине, а из-за тебя, — ответил он, — потому что ты постоянно надо мной смеялась и потешалась. Но не унывай: скоро мы избавимся от бед.

— Думаю, ты прав, — сказала Лучана, — мы скоро избавимся от бед: бочка разобьётся о какой-нибудь камень, и мы утонем.

— Помолчи, — сказал тогда Пьетро. — У меня есть тайна: узнай ты её, ты бы очень удивилась, а может быть, и обрадовалась.

— Что же у тебя за тайна, — спросила Лучана, — которая могла бы нам помочь и вырвать нас из такой беды?

— Есть у меня рыба, — сказал Пьетро, — она делает всё, что я прикажу, и не ослушалась бы меня, даже если бы думала, что поплатится жизнью. Она-то и сделала тебя беременной.

— Если это так, дело хорошее, — сказала Лучана. — А как зовут эту рыбу?

— Её зовут тунец, — ответил Пьетро.

— Тогда передай мне свою власть, — сказала Лучана. — Прикажи ему исполнять всё, что я скажу.

— Будь по-твоему, — ответил Пьетро.

Он тотчас позвал тунца и велел ему делать всё, что она прикажет.

Получив власть повелевать тунцом, девушка сразу приказала ему выбросить бочку на один из самых прекрасных и безопасных скалистых островков во владениях её отца. Затем — сделать так, чтобы Пьетро из уродливого дурака превратился в самого прекрасного и мудрого человека на свете. Не довольствуясь этим, она пожелала, чтобы тунец воздвиг на скале роскошный дворец с лоджиями, залами и прекрасными покоем; чтобы позади дворца был отрядный, великолепный сад, полный деревьев, приносящих самоцветы и драгоценные жемчужины, а посреди сада — источник студёной воды и погреб с дорогими винами. Всё это без промедления было исполнено с великой щедростью.

Король с королевой, вспоминая, как горестно лишились дочери и младенца, и думая о том, что их тела уже пожрали рыбы, тяжело скорбели и никогда не бывали ни веселы, ни довольны. Пребывая в такой печали, они решили, чтобы немного утешить свои измученные сердца, отправиться в Иерусалим и посетить Святую землю. Они приготовили корабль, снабдили его всем необходимым, поднялись на борт и отплыли при благоприятном, попутном ветре.

Не успели они удалиться от острова Капрая на сотню миль, как увидели вдаль роскошный, величественный дворец, который стоял на небольшом островке, чуть возвыша-

ясь над ровной поверхностью. Он был так прекрасен и находился в их владениях, что они захотели его осмотреть. Они подошли к островку, причалили и сошли с корабля.

Ещё прежде, чем они достигли дворца, Пьетро-дурак и королевская дочь Лучана узнали их, спустились по лестнице навстречу и сердечно, с величайшим радушием приняли гостей. Король же с королевой не узнали их, так они переменились.

Войдя в прекрасный дворец, гости осмотрели всё в подробностях и очень его похвалили. Затем по потайной лестнице они спустились в сад. Сад так понравился королю и королеве, что они поклялись: за всю свою жизнь они не видали другого, который пришёлся бы им больше по душе.

Посреди прекрасного сада росло дерево с тремя золотыми яблоками на одной ветке. Сторож по особому приказу Лучаны охранял их от похитителей. Но неведомо как самое красивое из яблок тайком положили королю за пазуху, а он этого не заметил.

Когда король собрался уходить, сторож сказал Лучане: — Госпожа, одного из трёх яблок — самого красивого — недостаёт, и я не могу узнать, кто его украл.

Тогда Лучана велела сторожу тщательно обыскать всех по очереди, потому что пропажу нельзя было оставить без внимания. Сторож всех обыскал и переобыскал, вернулся к ней и сказал, что яблока не нашёл. Услышав это, Лучана притворилась сильно разгневанной и, обратившись к королю, ска-

зала:

— Ваше священное величество, простите, если и вас придётся обыскать: пропавшее золотое яблоко чрезвычайно ценно, и я дорожу им больше всего остального.

Не подозревая об уловке и считая себя совершенно невиновным, король смело распахнул одежду, и яблоко тотчас упало на землю. Увидев это, король растерялся и оцепенел, не понимая, как оно оказалось у него за пазухой.

— Государь мой, — сказала тогда Лучана, — мы оказали вам столько ласки и почёта, приняли вас со всеми почестями, которых вы по праву достойны, а вы в благодарность за гостеприимство тайком крадёте плоды из нашего сада. Мне кажется, вы проявляете к нам великую неблагодарность.

Король был невиновен и всячески старался убедить её, что не крал яблока. Лучана увидела, что настало время открыться и доказать отцу свою невиновность, и со слезами на лице сказала:

— Государь мой, знайте: я та самая Лучана, которую вы на несчастье произвели на свет и жестоко приговорили к смерти вместе с Пьетро-дураком и ребёнком. Я ваша единственная дочь Лучана, которую вы нашли беременной, хотя она не познала ни одного мужчины. Вот совершенно невинный ребёнок, без греха зачатый мною.

И она показала ему мальчика.

— А вот Пьетро-дурак, который благодаря волшебной силе рыбы, называемой тунцом, стал мудрейшим человеком и

выстроил этот высокий, великолепный дворец. Это он незаметно для вас положил вам за пазуху золотое яблоко. Это от него я забеременела — благодаря колдовству, без телесного соединения. И как вы невиновны в краже золотого яблока, так и я была совершенно невиновна в своей беременности.

Тогда все со слезами радости обнялись и горячо приветствовали друг друга. Через несколько дней они сели на корабль и вернулись на Капраю, где состоялись великие празднества и торжества. Король женил Пьетро на Лучане и даровал ему, как своему зятю, столь высокое положение, что тот долго жил в почёте и довольстве.

А к концу жизни король назначил его наследником своего королевства.

Сказка Катеруццы не раз доводила остальных дам до слёз. Но когда они узнали, что всё закончилось благополучно и счастливо, то чрезвычайно обрадовались и от всей души возблагодарили Господа. Видя, что сказка окончена, синьора велела Катеруцце продолжать по установленному порядку. Та не замедлила и весело, с охотой, предложила такую загадку:

За стволом стоит один, одетый в красное;
То скроется, то выглянет — и держит пику.
Четверо несут бегом большого и тяжёлого,
И два острых он вонзает в мощный ствол.
Тот, кто прятался во рву, выходит из укрытия
И с великой поспешностью кидается за ним;
Десять валят наземь дурака и лежебоку.

Кто это разгадает — славный господин.

Всё общество с величайшим удовольствием выслушало остроумную загадку, которую Катеруцца так изящно рассказывала. Дамы толковали её по-разному, но ни одна не попала в цель вернее прелестной Лауретты. Улыбнувшись, она сказала:

— Загадка нашей любезной сестрицы может означать только дикого быка. Его несут четыре ноги; заведя красную ткань, он, словно безумный, стремительно бросается её бодать. Думая ударить её, он вонзает в дерево два острия — свои рога — и уже не может их вытащить. Тогда охотник, прятаясь во рву, выходит идесятью валит его на землю, то естьдесятью пальцами обеих рук.

Катеруцца, услышав правильную разгадку, вся покраснела. Она-то думала, что никто больше её не разгадает, но жестоко

ошиблась: Лауретта была ничуть не менее сведущей, чем она. Синьора, видя, что девушки всё больше разговорились, велела им замолчать и приказала Арианне начать какую-нибудь занимательную сказку. И та, смущаясь, начала следующим образом.

Ливоретто

Ночь третья, сказка вторая

У Дальфрено, короля Туниса, два сына: одного зовут Листико, другого — Ливоретто; последний, впоследствии прозванный Свинаярём, в конце концов получает в жёны Беллисандру, дочь Аттаранте, короля Дамаска.

Немалое дело совершает мудрый кормчий, когда завистливая и неистовая судьба швыряет его на острые, твёрдые скалы, а он всё же направляет измученную лодочку в безопасную, тихую гавань. Так случилось и с Ливоретто, сыном великого короля Туниса. После многих неожиданных опасностей, тяжких бед и долгих трудов он величием духа одолел злосудную судьбу, достиг высокого положения и мирно владел Каирским царством, как вы легко поймёте из сказки, которую я намерена рассказать.

В Тунисе, царственном городе на берегах Африки, не так давно жил прославленный и могущественный король по имени Дальфрено. Женой его была милая и благоразумная женщина, от которой он имел двух сыновей, умных, добродетельных и послушных отцу. Старшего звали Листико, младшего — Ливоретто. По королевскому установлению и принятому обычаю братья не могли наследовать отцовское королевство, потому что право наследования принадлежало только женщинам.

Король видел, что, к несчастью, дочерей у него нет, а возраст уже не позволяет надеяться на их рождение. Он очень горевал и испытывал бесконечную муку и печаль. Особенно его тревожила мысль, что после его смерти сыновей встретят недобро, обойдутся с ними ещё хуже и с великим для них позором безжалостно изгонят из королевства.

Несчастный король пребывал в этих тяжёлых раздумьях и не находил средства облегчить свою скорбь. Наконец он обратился к королеве, которую горячо любил:

— Сударыня, что нам делать с нашими сыновьями? Ведь закон и древний обычай совершенно лишают нас возможности оставить им королевство в наследство.

Мудрая королева тотчас ответила:

— Ваше священное величество, мне кажется, что при ваших несметных сокровищах вы могли бы отправить их туда, где их никто не знает, дав им великое множество драгоценностей и денег. Быть может, они заслужат благосклонность какого-нибудь государя, станут ему дороги и ни в чём не будут нуждаться. Если же им и придётся терпеть нужду — не дай того Бог! — то по крайней мере никто не узнает, чьи они сыновья. Они молоды, красивы, видны собой и способны на всякое великое и благородное дело. Не найдётся ни короля, ни князя, ни владетеля, который не полюбил бы их и не стал бы ими дорожить за достоинства, дарованные природой.

Ответ мудрой королевы очень понравился Дальфрено. Он позвал Листико и Ливоретто и сказал им:

— Сыновья, горячо любимые нами, вашим отцом! После нашей смерти вы лишены всякой надежды на это королевство: не из-за ваших пороков или дурных нравов, а потому, что так велят закон и древний обычай, ибо могучая природа и мы произвели вас на свет мужчинами, а не женщинами. Поэтому мы вместе с вашей матерью решили ради пользы и блага вас обоих отправить вас в чужие края, снабдив вдоволь драгоценностями, самоцветами и деньгами. Если представится достойная возможность, вы сможете поддерживать жизнь с честью для себя. Примите же наше желание с добрым согласием.

Намерение короля очень понравилось Листико и Ливоретто. Сыновья были довольны не меньше короля и королевы: обоим не терпелось увидеть новые страны и вкусить мирских удовольствий.

Королева, которая, по общему обыкновению женщин, нежнее любила младшего сына, чем старшего, отозвала его в сторону и подарила ему пышущего пеной боевого коня, пятнистого, с небольшой головой и отважным взглядом. Помимо прекрасного сложения, он обладал волшебной силой, о чём младший сын Ливоретто знал.

Получив родительское благословение и взяв сокровища, сыновья вместе тайно отправились в путь. Они ехали много дней, но нигде не нашли места себе по душе и очень опечалились. Тогда Ливоретто сказал Листико:

— До сих пор мы ехали вместе и ничего достойного не со-

вершили. Мне кажется — если и ты согласен, — нам следует расстаться, чтобы каждый искал счастья самостоятельно.

Это решение пришлось по душе обоим. Они крепко обнялись, расцеловались и простились. Листико, о котором с тех пор больше ничего не было известно, направился на запад, а Ливоретто на своём волшебном коне поехал на восток.

Ливоретто долго странствовал и повидал немало земель, но без всякой пользы для себя. Он уже истратил все драгоценности, деньги и сокровища, которые дал ему любящий отец, и у него не осталось ничего, кроме волшебного коня, когда он наконец прибыл в Каир, царственный город Египта. Там в ту пору правил султан по имени Данебруно, человек хитрый, богатый и могущественный, но весьма преклонных лет.

Несмотря на старость, он пылал любовью к Беллисандре, дочери Аттаранте, короля Дамаска, и ради неё расположил войско у города и осадил его, желая добром или силой получить её в жёны. Но она, прослышав о старости и уродстве султана, твёрдо решила скорее убить себя, чем выйти за него замуж.

Итак, прибыв в Каир, Ливоретто вошёл в город, обошёл его весь, осмотрел со всех сторон и нашёл достойным великих похвал. Он видел, что, потакая всем своим желаниям, растратил всё имущество, и решил не уезжать отсюда, пока не наймётся к кому-нибудь в услужение.

Подойдя к дворцу, он увидел при султанском дворе мно-

жество санджаков³, мамлюков и рабов. Он спросил, не нужен ли при дворе государя слуга: он охотно поступил бы на службу. Ему ответили, что нет. Но один из них вспомнил, что во дворце нужен человек для ухода за свиньями, окликнул юношу и спросил, возьмётся ли тот за это дело. Ливоретто ответил согласием. Его заставили сойти с коня и отвели в свинарник. На вопрос об имени он ответил, что его зовут Ливоретто. Однако все стали называть его Свинарём — такое прозвище ему дали.

Поступив на службу к султану, Ливоретто, теперь прозванный Свинарём, занимался только откормом свиней. Он проявлял такую заботу и усердие, что всё, на что другому понадобилось бы полгода, он успевал сделать за два месяца. Увидев его способности, санджаки, мамлюки и рабы убедили государя поручить ему другую службу: столь усердный человек заслуживал более почётно́го занятия. По приказу султана его назначили ухаживать за лошадьми и увеличили жалованье. Это доставило ему ещё больше радости: заботясь о других конях, он мог лучше ухаживать и за своим.

Принявшись за дело, он так старательно скрёб, чистил и холил лошадей, что шерсть у них стала словно бархат. Среди прочих был один весьма красивый, молодой и горячий конёк. За его красоту Ливоретто особенно заботливо ухаживал за ним и обучал его. Он так хорошо его выучил, что конь не только послушно двигался во все стороны, но и кланялся, танцевал и подпрыгивал на высоту собственного роста, вы-

брасывая в воздух ноги, как стрелы.

Мамлюки и рабы дивились ловкости коня: всё это казалось им чем-то сверхъестественным. Они решили рассказать обо всём султану, чтобы тот немного позабавился искусством Свиная. Султан был мрачен и от чрезмерной любви, и от глубокой старости; развлечения мало его занимали, а то и вовсе не занимали. Удручённый любовными думами, он ни о чём, кроме своей возлюбленной, не помышлял.

Но мамлюки и рабы столько говорили и хлопотали, что однажды ранним утром султан подошёл к окну и увидел все ловкие, изящные движения, которые Свиная проделывал со своим конём. Юноша был приятен лицом и прекрасно сложен, а увиденное имного превосходило всё, что султан слышал. Ему показалось весьма несправедливым, что такого человека приставили к столь низкому занятию, как уход за животными, и он очень об этом сожалел. Всё размышляя о высоких, скрытых достоинствах статного юноши и не находя в нём никакого изъяна, султан решил освободить его от унижительного труда и возвысить. Он позвал его к себе и сказал:

— Свиная, впредь ты будешь служить не в конюшне, как прежде, а за моим столом, пробуя передо мной всё, что мне подадут.

Юноша стал султанским виночерпием и исполнял свои обязанности с таким искусством и умением, что изумлял не только султана, но и всех остальных. У мамлюков и рабов это вызвало такую зависть и ненависть, что они едва могли

его видеть. Если бы не страх перед государем, они давно лишили бы его жизни. Чтобы бедняк впал в немилость и был убит либо навсегда изгнан, они задумали хитрую уловку.

Однажды утром один из рабов, по имени Кебур, прислуживая султану, сказал:

— Не рассказать ли тебе, государь, добрую новость?

— Какую? — спросил султан.

— Свиляр, настоящее имя которого Ливоретто, похваляясь, что никто, кроме него, не способен отдать в твою власть дочь Аттаранте, короля Дамаска.

— Как такое возможно? — спросил султан.

— Возможно, государь, — ответил Кебур. — Если мне не веришь, спроси мамлюков и остальных рабов: при них он не раз этим хвастался. И если я тебя обманываю, ты легко это узнаешь.

Получив от всех полное подтверждение, султан призвал Ливоретто и спросил, правда ли то, что о нём повсюду говорят. Юноша ничего об этом не знал и решительно всё отрицал. Тогда султан в гневе и ярости сказал:

— Ступай и больше не медли! Если в течение тридцати дней не сделаешь так, чтобы Беллисандра, дочь Аттаранте, короля Дамаска, оказалась в моей власти, тебе отсекут голову.

Услышав жестокое решение государя, юноша впал в глубокую печаль и отчаяние. Он ушёл от султана и вернулся в конюшню. Волшебный конь увидел хозяина таким мрачным, с горячими слезами, непрестанно льющимися из глаз, повернулся к нему и сказал:

— Ах, хозяин, что с тобой? Почему ты так мучаешься и горюешь?

Всё ещё плача и тяжело вздыхая, юноша от начала до конца рассказал ему, что поручил султан. Конь качнул головой,

словно засмеялся, и немного ободрил его, сказав, чтобы он ничего не боялся: всё окончится благополучно. Затем добавил:

— Вернись к султану и попроси у него открытую грамоту к его главнокомандующему, который теперь осаждает Дамаск. Пусть султан прямо прикажет ему немедленно снять осаду, как только он увидит и прочтёт грамоту, скреплённую большой султанской печатью. Попроси также денег, одежды и оружия, чтобы смело отправиться на великое дело. Если в пути какой-нибудь человек или зверь, кто бы он ни был, попросит тебя о помощи, непременно помоги: насколько тебе дорога жизнь, ни в чём ему не отказывай. Если какой-нибудь мужчина захочет меня купить, скажи, что продашь, но запроси непомерную цену, чтобы он отказался от сделки. А если меня захотят женщины, угождай им во всём: позволь трогать мою голову, лоб, глаза, уши, круп и всё, что им будет угодно. Я дам им обращаться со мною свободно и не причиню им никакой обиды или неприятности.

Обрадованный юноша вернулся к султану и попросил грамоту и всё остальное, о чём говорил волшебный конь. Получив просимое, он сел на коня и отправился в Дамаск, к величайшей радости мамлюков и рабов: пылая завистью и ненавистью, они были уверены, что живым он больше в Каир не вернётся.

Проехав много дней, Ливоретто добрался до реки. На самом её берегу неведомо отчего стояло такое зловоние, что

почти невозможно было приблизиться; там лежала полумёртвая рыба. Увидев юношу, она сказала:

— Ах, благородный всадник, будь милосерден, прошу тебя, вытащи меня из этой вони: ты видишь, я уже почти мертва.

Помня слова своего коня, юноша спешил, вынес рыбу из зловонного места и собственными руками обмыл и очистил её. Как следует поблагодарив его, рыба сказала:

— Возьми с моей спины три самые большие чешуйки и храни при себе. Когда тебе понадобится помощь, положи их на речной берег: я тотчас приплыву к тебе и помогу.

Ливоретто взял чешуйки, бросил извивающуюся рыбу в прозрачную воду и снова сел на коня. Он ехал дальше, пока не встретил сокола-сапсана: нижняя половина его тела вмёрзла в воду, и он никак не мог пошевелиться. Завидев юношу, сокол сказал:

— Ах, прекрасный юноша, пожалей меня и вытащи из льда, которым я скован! Обещаю, что, если ты спасёшь меня от этой беды, я помогу тебе, когда тебе самому понадобится помощь.

Охваченный жалостью и состраданием, юноша охотно пришёл ему на помощь. Он вынул маленький нож, который держал в ножнах меча, и остриём так долго бил по твёрдому льду, что разбил его со всех сторон. Затем взял сокола и положил к себе за пазуху, чтобы немного его согреть.

Придя в себя и вновь собрав силы, сокол горячо поблаго-

дарил юношу. В награду за великое благодеяние он дал ему два пера из-под левого крыла и попросил сохранить их ради него. Если понадобится помощь, достаточно взять оба пера и воткнуть их в речной берег — он тотчас явится на выручку. Сказав это, сокол улетел.

Юноша продолжил путь и наконец добрался до султанского войска. Он нашёл военачальника, который яростно осаждал город, подошёл к нему и передал грамоту. Прочитав её, военачальник немедленно снял осаду и со всем войском вернулся в Каир.

Когда войско ушло, юноша на следующее утро очень рано в одиночестве въехал в Дамаск и остановился на постоялом дворе. Он облачился в прекрасное богатое одеяние, всё покрытое драгоценностями, способными затмить само солнце, сел на волшебного коня и отправился на площадь перед королевским дворцом. Там он принялся управлять конём с такой ловкостью и умением, что всякого изумляло даже одно представление об этом, не говоря уже о самом зрелище.

Шум толпы разбудил королевскую дочь Беллисандру. Она поднялась с постели, вышла на балкон, откуда была видна вся площадь, и увидела прекрасного юношу, красоту и резвость его сильного, горячего коня. Она так увлеклась конём, как юноша мог бы увлечься прекраснейшей девушкой. Отправившись к отцу, она стала горячо просить купить его для неё: такой он был красивый и изящный, что она совсем потеряла голову.

Отец, желая угодить дочери, которую нежно любил, послал одного из баронов спросить юношу, согласен ли он продать коня за наличные, назначив подобающую цену: ведь единственная королевская дочь им чрезвычайно увлечена. Юноша ответил, что нет на свете вещи, достаточно драгоценной и достойной, чтобы заплатить за его коня, и запросил больше денег, чем стоило всё отцовское королевство.

Узнав непомерную цену, король позвал дочь и сказал ей: — Дочь моя, ради одного коня и твоего удовольствия я не намерен лишаться королевства. Потерпи и не печалься: мы найдём тебе другого, ещё лучше и красивее.

Но Беллисандра всё сильнее увлекалась конём и всё настойчивее просила отца доставить ей эту радость, сколько бы он ни стоил. После долгих просьб, видя, что не может склонить отца исполнить её желание, она ушла к матери и в отчаянии упала ей на руки почти без чувств.

Добрая мать, заметив, как побледнела дочь, нежно стала её утешать и просила не печалиться. Когда король уйдёт, они обе отправятся к юноше и поторгуются о коне: быть может, женщинам он уступит дешевле. Ласковые слова любимой матери немного успокоили дочь. Когда король удалился, мать тотчас послала гонца сказать юноше, чтобы он прибыл во дворец и привёл с собой коня. Услышав приглашение, тот очень обрадовался и явился ко двору. Мать спросила, во сколько он ценит своего коня, потому что её дочь очень хочет им владеть. Он ответил королеве так:

— Сударыня, даже если бы вы отдали мне всё, что имеете на свете, ваша дочь не могла бы купить моего коня. Зато получить его в подарок — может, если ей угодно принять его. Но прежде, чем взять этот дар, пусть хорошенько его осмотрит и попробует с ним управиться: он смиренный, ловкий и охотно даёт на себя садиться.

Юноша спешил, посадил девушку в седло и, держа коня под уздцы, помогал ей и направлял его. Едва она отъехала от матери на расстояние брошенного камня, как юноша вскочил на круп своего коня и так пришпорил его, что, убегая, тот уподобился птице, летящей по воздуху.

Перепуганная девушка закричала:

— Ах ты злодей, вероломный предатель! Куда ты меня везёшь, пёс, собачий сын?

Но крики не помогали: некому было ни прийти ей на помощь, ни утешить её словом. Когда они достигли речного берега, девушка сняла с пальца прекрасное кольцо и тайком бросила в воду.

Много дней ехал юноша, прежде чем наконец прибыл с девушкой в Каир. По прибытии он сразу представил её султану. Увидев её красоту, изящество и невинность, тот чрезвычайно обрадовался и радушно её принял.

Приближалось время сна. Они находились вдвоём в комнате, столь же богато убранной, сколь прекрасной, когда девушка сказала султану:

— Государь, не надейтесь, что я когда-нибудь уступлю ва-

шим любовным желаниям, если прежде вы не заставите этого низкого злодея найти кольцо, которое упало у меня в реку. Когда он найдёт его и вернёт мне, я всегда буду покорна вашим желаниям.

Султан, пылавший любовью к несчастной девушке, не захотел её огорчать. Он тотчас приказал Ливоретто найти кольцо, пригрозив смертью, если тот не найдёт. Юноша понял, что повеление султана непреклонно и противиться его воле нельзя. В глубокой печали он удалился в конюшню и горько заплакал, не имея ни малейшей надежды отыскать кольцо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.